

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ВЫПУСК II

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

А. Д. Дридзо

ИНДИЙЦЫ ОСТРОВА ТРИНИДАД

Остров Тринидад, расположенный почти у самых берегов Венесуэлы, близ устья р. Ориноко, по площади (4,8 тыс. кв. км) и по количеству населения (около 815 тыс.) занимает второе место в Вест-Индской федерации, объединяющей английские владения в Карибском море. Население острова очень разнообразно по этническому составу. Одной из характерных особенностей этого разнообразия является наличие на Тринидаде компактной группы индийцев, насчитывающей более 300 тыс.

Книг, специально посвященных индийцам Тринидада, насколько нам известно, не существует. Между тем судьба сотен тысяч индийцев, попавших в иные, чем на родине, условия, испытавших на себе значительное влияние со стороны крупнейшей группы населения острова — негров — и оказавших в свою очередь влияние на эту группу населения, несомненно, представляет интерес для изучения истории и этнографии Индии. А для изучения этнического состава населения принадлежащих Англии островов Карибского моря знакомство с важнейшим национальным меньшинством этого района имеет, конечно, первостепенное значение. Полученный материал, безусловно, окажет существенную помощь в выяснении вопроса о формировании нации или наций в Карибском бассейне. Даже те, далеко не исчерпывающие данные, которые удалось собрать, позволяют сделать вывод, что в этом процессе индийцы играют весьма значительную роль.

* * *

Массовый вывоз законтрактованных рабочих из Индии за пределы азиатского материка начался с 1830 г. и явился одним из последствий захвата этой страны английскими колонизаторами. Сначала индийцев доставляли на о-ва Реюньон и Маврикий, а затем в Австралию, Индонезию. Условия труда и жизни законтрактованных рабочих, по сути дела, ничем не отличались от рабства. Вскоре сведения об этом стали достоянием гласности. Они проникли в английскую печать, на страницах которой в то время происходила ожесточенная полемика в связи с начавшейся с 1 августа 1834 г. отменой рабства в британских владениях. Труднее стало вербовать рабочих на выезд: известия о том, что происходит на заморских плантациях, распространились и среди населения Индии.

Результатом всего этого и было принятие 1 июня 1837 г. первого закона, регулирующего вербовку и вывоз рабочих из Индии. Законом предусматривалось прежде всего, что каждый завербованный должен был совершенно добровольно подписать контракт и согласиться выехать на работу. Срок контракта составлял от трех до пяти лет, и по его истечении рабочих надлежало бесплатно доставить обратно на родину¹.

Однако и этот закон не исключал злоупотреблений, тем более что колониальные власти смотрели на его нарушения сквозь пальцы, а нередко оказывали вербовщикам и прямую помощь в «добровольном» наборе рабочей силы.

В описываемый нами период значительную часть завербованных направляли на острова Карибского моря. Положение в сахарной промышленности этого района было тогда весьма напряженным. Бывшие рабы должны были еще несколько лет отработать на своих прежних хозяев. Это решение возмущало негров, а плантаторы, недовольные отменой рабства, усугубляли возмущение рабочих крайне жестоким обращением с ними. Однако под угрозой восстания колонизаторам уже в 1838 г., т. е. гораздо раньше намеченного срока, пришлось окончательно освободить негров. Последние массами покидали плантации, переходя к возделыванию небольших участков на свободных землях во внутренних районах островов. Производство сахара пришло в упадок.

Поиски выхода из этого положения и привели к тому, что колонизаторы решили начать ввоз индийских рабочих — по 3 тыс. в год в Британскую Гвиану и на Ямайку и по 1,5 тыс. на Тринидад. Затем квоты увеличились: в Гвиану и на Ямайку постановили ввозить по 5 тыс., а на Тринидад — по 2,5 тыс. человек в год. 13 и 29 января 1838 г. первые группы индийцев прибыли для работы на плантациях Британской Гвианы. Массовый вывоз рабочих из Индии начался с 1844 г. К берегам Тринидада первый корабль с индийцами пристал в 1845 г. В течение первого года на остров было ввезено 225 индийских рабочих².

Условия работы на плантациях были крайне тяжелыми, а смертность среди рабочих — очень высокой. Малейшие попытки протеста жестоко подавлялись. Рабочие очень часто совершали побег с плантаций, но даже и тех, кому удавалось укрыться от преследования, подстерегала гибель. В то время тринидадская полиция каждую неделю находила в джунглях по несколько трупов индийцев, заблудившихся и погибших после побега с плантации³.

Тем не менее вербовка рабочих в Индии продолжалась. Возникла целая армия субподрядчиков, завлекавших будущих эмигрантов и получавших за каждого подписавшего контракт от 1—2 рупий до 45, 75 и даже 100 рупий⁴. И, невзирая на явную недобросовестность вербовщиков, на почти невыносимые условия плантационной работы, все же находились люди, решавшиеся ехать за океан — настолько безысходной стала жизнь трудящегося индийца на родине.

К 1851 г. индийское население острова возросло до 3993 человек, к 1861 г. — до 13 488, к 1871 г. — 27 425, к 1881 г. — 48 820 (примерно 32% всего населения). Именно вследствие этого производство сахарного тростника стало быстро возрастать. За 1850—1879 гг. оно увеличилось с 20 тыс. до 67 тыс. т, т. е. более чем в три раза⁵.

¹ Dwarka Nat, *A history of Indians in British Guiana*, London, 1950, pp. 9—10.

² Ibid., pp. 29—31; G. W. Roberts, *Population of Jamaica*, Cambridge, 1957, p. 114.

³ Dwarka Nat, *A history of Indians in British Guiana*, p. 36.

⁴ Ibid., p. 82.

⁵ P. G. James, *Changes in the Geography of Trinidad*, — «Scottish geographical Magazine», vol. 73, 1957, № 3, p. 160; G. W. Roberts, *Population of Jamaica*, p. 191.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ о. ТРИНИДАД

С развитием капитализма система контрактации рабочей силы начала приходить в упадок и в 1917 г. была отменена. Правда, небольшие группы индийцев продолжали прибывать на Тринидад в индивидуальном порядке, но семь лет спустя прекратилось и это движение. Всего, по подсчетам американского ученого Кингсли Дэвиса, за 1845—1924 гг. на остров переселилось 116 тыс. выходцев из Индии⁶.

Обычно от $\frac{3}{4}$ до $\frac{4}{5}$ ввезенных рабочих оставалось на островах Карибского моря. Объяснялось это прежде всего тем, что колониальный гнет у них на родине усиливался. Налоги разоряли крестьян, массовый ввоз фабричных изделий разорял ремесленников. Вернувшись на родину, индеец не мог найти применение своему труду. Положение усугублялось тем, что за время отсутствия он терял прежние семейные, родовые и кастовые связи. Тем, кому удавалось вернуться на родину, приходилось селиться в одном определенном районе близ Калькутты. Эти люди, как правило, не могли устроиться на работу, и у них оставался единственный выход — снова подписывать контракт⁷. Вполне понятно, что и на Тринидаде положение было нелегким, но там, по крайней мере, не существовало периодических голодовок, уносивших каждый год миллионы человеческих жизней.

Было бы весьма интересно установить, представители каких народов и уроженцы каких районов преобладали среди законтрактованных рабочих. К сожалению, по этому поводу имеются лишь отрывочные данные. Так, Дварка Нат отмечает, что первые рабочие, прибывшие в этот район Западного полушария из Индии, происходили из горного района Чхота Нагпур в Бихаре (так называемые горные кули) и из различных местностей прилегающего к Чхота Нагпуру округа Бардван (преимущественно из Банкуры)⁸.

⁶ K. Davis, *The population of India and Pakistan*, Princeton, 1951, p. 101.

⁷ H. Glasenapp, *Die Inder in Guayana und Westindien*, — «Ibero-Amerikanisches Archiv», Jg. VII, 1933, Hft 3, S. 296.

⁸ Dwarka Nat, *A history of Indians in British Guiana*, p. 10.

Указанные районы в значительной степени населены племенами группы мунда, стоящими на более низком уровне развития, чем большинство других народов Индии. Именно в этот период английская колониальная администрация начала планомерное «освоение» их территории, поставив племена мунда в безвыходное положение. Лишенные средств к существованию, мунда уже в конце первой трети XIX в. становятся резервом дешевой рабочей силы — сначала для плантаций Ассама, а затем и для районов, находящихся за пределами страны. Предприниматели извлекали большие выгоды, пользуясь отсталостью мунда; они соглашались работать за самую дешевую плату. Вербовка рабочих этих племен для предприятий крупных промышленных центров продолжалась в Индии до последнего времени, причем завербованные предназначались для выполнения самой тяжелой и низкооплачиваемой черной работы.

Однако мунда не составляли и не могли составлять большинства среди завербованных уже хотя бы в силу своей небольшой численности. Значительный процент в числе отправившихся за океан составляли, по-видимому, упоминаемые Дваркой Натом тамилы и гуджератцы⁹; их предки еще тысячи лет назад совершали длительные морские путешествия. Но большинство индийцев Тринидада говорят сейчас на хиндустани, а не на тамили и гуджерати. Это дает основание предполагать, что среди покинувших родину уроженцев Северной и Центральной Индии было больше, чем тамилы и гуджератцы¹⁰.

В таком случае, правда, возникает вопрос — как получилось, что большинство уехавших за океан происходило из внутренних районов страны, а обитатели приморских местностей, для которых морские путешествия были привычным делом, оказались в меньшинстве? Нам кажется, что противоречия здесь нет, и вот почему. Гуджератцы и тамилы, издавна знакомые с морем, обладали сравнительно широким кругозором. Они, конечно, отчетливее представляли себе, в какую далекую страну придется ехать, догадывались, вероятно, и о трудностях, которые их ожидают, и о том, что уехавшим, может быть, и не придется вернуться на родину. Поэтому только те из них, кому уже абсолютно нечего было терять, решались на переезд в Вест-Индию.

Одно вербовочное агентство еще в 1836 г. сообщало своему клиенту: «Туземцы совершенно ничего не знают о месте, куда они едут, или о продолжительности путешествия, которое они предпринимают»¹¹. Вряд ли эти слова можно отнести к обитателям районов, которые в течение тысячелетий жили морской торговлей.

Если о национальном составе завербованных для работы на плантациях имеются некоторые, пусть даже отрывочные данные, то об их классовой принадлежности мы почти никаким материалом не располагаем. Известно лишь, что это были прежде всего лишившиеся земли крестьяне и разорившиеся ремесленники. Характерно, что за первой партией, состоявшей из завербованных на плантации, за океан стали прибывать (уже по своей воле) небольшие группы индийских эмигрантов — торговцев, ростовщиков, подрядчиков и т. п. По кастовой принадлежности они обычно стояли выше плантационных рабочих. Эта категория переселенцев характеризуется сравнительно высоким процентом мусульман¹².

⁹ Помимо Калькутты, эмигранты отправлялись в Вест-Индию также из Бомбея и Мадраса.

¹⁰ Н. Glasenapp, *Die Inder in Guayana und Westindien*, S. 297.

¹¹ Dwarka Nat, *A history of Indians in British Guiana*, p. 10.

¹² К. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 105.

Так, спустя сравнительно недолгое время после начала эмиграции среди индийцев формируются группы буржуазии, куда входят не только приехавшие из Индии купцы и ростовщики, но и разбогатевшие надсмотрщики, переводчики и др., уже после приезда успевшие нажиться за счет своих соотечественников из числа плантационных рабочих, над которыми они имели почти неограниченную власть.

* * *

В настоящее время тринидадские индийцы составляют примерно 39% всего населения острова¹³. Больше всего индийцев на юге и западе Тринидада. Здесь в ряде сельских районов они занимают довольно обширную территорию. Многие из индийцев, как и их предки, работают на сахарных и рисовых плантациях. Некоторые из них владеют довольно крупными земельными участками, но большинство — мелкие землевладельцы, крестьяне. Среди индийцев-горожан (живущих главным образом в Порт-оф-Спейне, административном центре острова) преобладают торговцы, транспортные рабочие (шоферы и др.), лица, занятые в обслуживании, ремесленники. Затем идут учителя, врачи, адвокаты, чиновники и т. д.

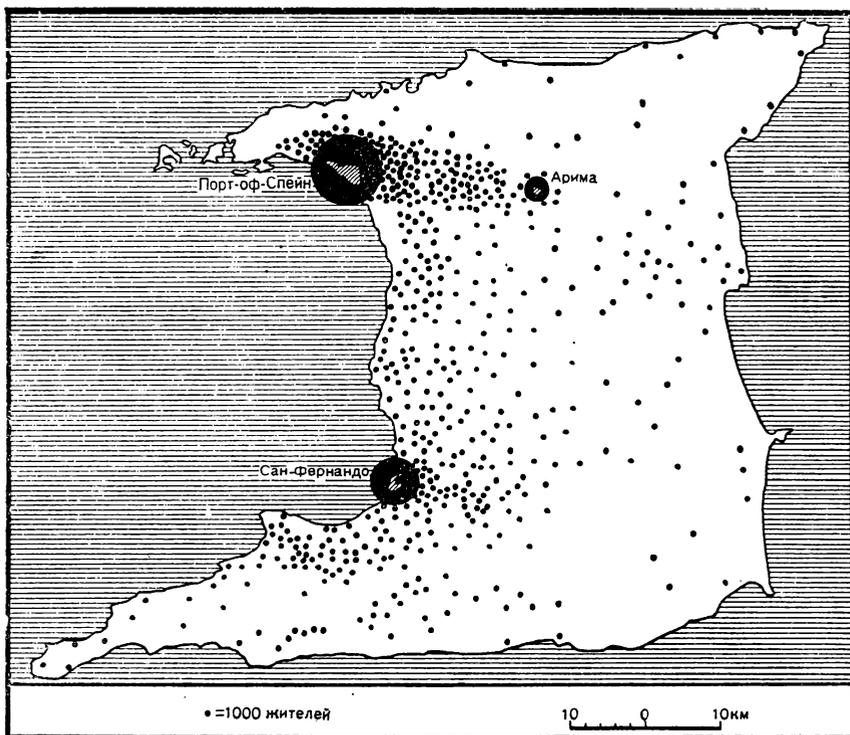
Большинство тринидадцев индийского происхождения — это вест-индцы во втором или даже в третьем поколении. Уроженцев Индии среди них насчитывается не более 10 тыс. (примерно 3%)¹⁴. Пока еще можно определить, к какому народу принадлежали предки того или иного индийца, но с годами это становится труднее. Сказываются смешанные браки (не только между разными народами Индии, но и между индийцами и неграми — потомков таких браков насчитывается уже 12 тыс.), а также широкое распространение языка хиндустани. В результате различия между потомками выходцев из того или иного района Индии сглаживаются, и человек чувствует себя уже не пенджабцем или бенгальцем, а просто индийцем. В значительной мере этому способствует и то чувство сплоченности, которое, естественно, возникло в среде индийцев (независимо от национальной принадлежности) вдали от родины.

Антропологические различия у многих тринидадцев индийского происхождения заметны еще достаточно ясно. Так, североиндийца, имеющего кожу светлого оттенка, даже и сейчас легко отличить от человека, предки которого принадлежали, скажем, к одному из народов Южной Индии. Характерно, что и остальные индийцы рассматривают группу темнокожих индийцев (так называемых мадрасси) как занимающую более низкое положение. Это, конечно, связано с расовой дискриминацией на Тринидаде, где цвет кожи играет важную роль. В самой Индии различия в цвете кожи существенного значения не имеют.

Известно, что предки индийцев Тринидада, прибывшие на остров в XIX в., не владели европейскими языками. Поэтому к каждой группе плантационных рабочих прикрепляли переводчика (часто он же был и надсмотрщиком). Современные тринидадцы индийского происхождения — все или почти все — владеют двумя языками. Вторым языком

¹³ D. Lowenthal, *The West Indies Chooses a capital*, — «Geographical review», vol. XLVIII, 1958, № 3, p. 340. — К. Дэвис приводит другую цифру — 40%, — правда, относящуюся к 1938 г. Возможно, это просто округленные данные. Карты, показывающие размещение и национальный состав населения на о. Тринидад, воспроизведены по статье: J. P. Augelli and H. W. Taylor, *Race and population catterns in Trinidad*, — «Annals of the Association of American geographers», vol. 50, 1960, № 2.

¹⁴ D. F. Crowley, *Plural and differential acculturation in Trinidad*, — «American anthropologist», vol. 59, 1957, № 5, p. 817.

РАЗМЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ НА о. ТРИНИДАД

обычно бывает английский (для людей, не получивших образования, — местный диалект этого языка). В тех местах, где в качестве разговорного сохранился испанский язык, они владеют и им. Примерно до половины 40-х годов можно было наблюдать сокращение числа знающих хиндустан, хотя в быту, особенно в сельской местности, им пользовались еще многие индийцы. Затем, однако, положение изменилось.

Национальный подъем, связанный с освобождением Индии от гнета английских колонизаторов и кризисом колониальной системы во всем мире, привел к тому, что хиндустан вновь стал распространяться на острове. Впервые за всю историю Тринидада индийцам удалось добиться создания школ (правда, разделенных по религиозному признаку — индуистских и мусульманских), где преподавание ведется на этом языке. Любопытно, что дети негры и мулаты, живущие в индийских деревнях, из-за отсутствия других учебных заведений также учатся в этих школах. Таким образом, и часть неиндийского населения острова тоже владеет хиндустан. Известно, наконец, что индийские фильмы, демонстрируемые на Тринидаде в большом количестве, идут без английских титров не только там, где живет много индийцев, но и во всех районах острова¹⁵. И в то же время многие индийцы-горожане, прежде всего те, кто исповедует христианство, да и вообще значительная часть молодежи, уже не владеют языком своих предков. Родным языком для них стал английский.

Претерпела изменения и кастовая система.

В одной из немногочисленных работ об индийцах острова приводится следующий список каст, сохранившихся среди них и поныне:

¹⁵ Ibid., pp. 820—821.

а) высшие касты: брахманы, госаин, чатри,
б) средние касты: курми, ахир, каири, лохар, банья, кайаст,
в) низшие касты: чамар, дом, дхоби
(очевидно, в списке приведены только крупные касты или группы каст; мелкие же касты и подкасты в нем не указаны).

В определенной степени сохранились и профессии, традиционные для определенных каст. Так, например, брахманы занимаются отправлением религиозного культа, банья — в большинстве лавочники, чамары и вообще люди низших каст — почти все сельскохозяйственные рабочие, бархаи (плотники) работают на строительстве, кохари (гончары) изготавливают посуду и т. д.

Но по чисто экономическим причинам подавляющее большинство брахманов уже не может ограничиваться только деятельностью в религиозной сфере. Очень многие из них, живущие в сельской местности, являются землевладельцами, а некоторые даже сочетают должность служителя культа с другими занятиями. Например, в районе Оропуче Лэгун один из брахманов днем работает шофером такси, а вечером служит в храме. Те же, кто уже не связан с профессией своих отцов, принадлежат к самым разнообразным группам землевладельцев (в сельской местности), городской мелкой, средней и крупной буржуазии, а также интеллигенции. Среди них можно встретить крупного торговца, адвоката и даже содержателя бара или пивной.

Следует отметить, что среди индийцев Тринидада людей высших каст всегда было очень мало; это отчасти объясняется запретом брахманам пересекать море. Тринидадские брахманы, нарушившие этот запрет, в какой-то степени уподобились тем своим коллегам в Индии, которые обслуживают касты низшего разряда. Кроме того, обращение брахмана к недозволенным для его касты занятиям вызывает у массы верующих осуждение и, безусловно, понижает его престиж. Однако уважение к брахманам все еще велико. На традиционных трапезах в праздники, на свадьбах брахманам предлагают угощение в первую очередь. Даже тех, кто уже не связан в своей деятельности с религией, почтительно называют «пандитджи» и т. д.

Среди индийского населения Тринидада до сих пор еще играет роль и принадлежность к низшим кастам. Здесь существуют поселки, населенные преимущественно людьми низших каст (например, Дом Вилидж в районе Оропуче Лэгун, все жители которого принадлежат к касте дом; окраина г. Пенэл и т. д.). Характерное занятие этих людей — свиноводство, и они употребляют в пищу свинину, чего остальные индийцы Тринидада не делают¹⁶.

Вполне понятно, что в каждой из социальных групп есть люди разных каст, а процент индийцев, занятых «нетрадиционными» для данной касты профессиями, значительно больше, чем в Индии, и растет он быстрее, чем там. Помимо влияния окружающей среды, известную роль в этом сыграло и то обстоятельство, что в условиях Тринидада отпали многие запреты, связанные с кастовой системой. Живущие на Тринидаде индийцы совершенно беспрепятственно общаются между собой. Обычай принимать пищу только в обществе людей своей касты здесь не сохранился: представители всех каст, от самых высших до самых низших, едят вместе. И лишь только в том случае, когда готовится праздничное

¹⁶ A. Niehoff, *A Survival of Hindu institutions in an Alien environment*, — «The Eastern anthropologist», vol. XII, 1959, № 3, pp. 174—175, 177; D. F. Crowley, *Plural and differential acculturation in Trinidad*, pp. 817, 819; H. Glasenapp, *Die Inder in Guayana und Westindien*, Ss. 298, 302.

угощение или свадебный стол, мусульман и индуистов низших каст не допускают к приготовлению пищи¹⁷.

Среди индийцев, вывезенных на Тринидад, довольно долгое время не было или почти не было женщин. Даже в первые годы XX в. мужчин-индийцев на острове было почти втрое больше чем женщин. Отсюда быстрое отмирание кастовой эндогамии, а также широкое распространение вторичных браков вдов и разводов. Отсюда, наконец, и уже упоминавшиеся индийско-негритянские браки.

Сейчас среди индийцев Тринидада кастовые ограничения при заключении браков, кастовая принадлежность, как правило, уже не играют роли; только в средних и особенно в высших кастах все еще наблюдается стремление «не понижать кастового уровня». Потомство смешанного в кастовом отношении брака обычно причисляется к более высокой из тех каст, к которым принадлежат родители. Это серьезное отличие от практики, существующей в Индии, где потомство относят к высокой касте только в том случае, если к ней принадлежит отец. Все это свидетельствует о том, что кастовая система на острове постепенно отмирает. Растет число людей, уже не имеющих возможности с уверенностью определить свою касту. Существуют даже группы индийцев, не знающих, к какой касте они принадлежат.

По религиозному составу примерно 75% индийского населения Тринидада — индуисты, остальные — мусульмане и христиане.

Однако индуизм тринидадских индийцев во многих отношениях отличается от религии, которую исповедует большая часть населения Индийской республики.

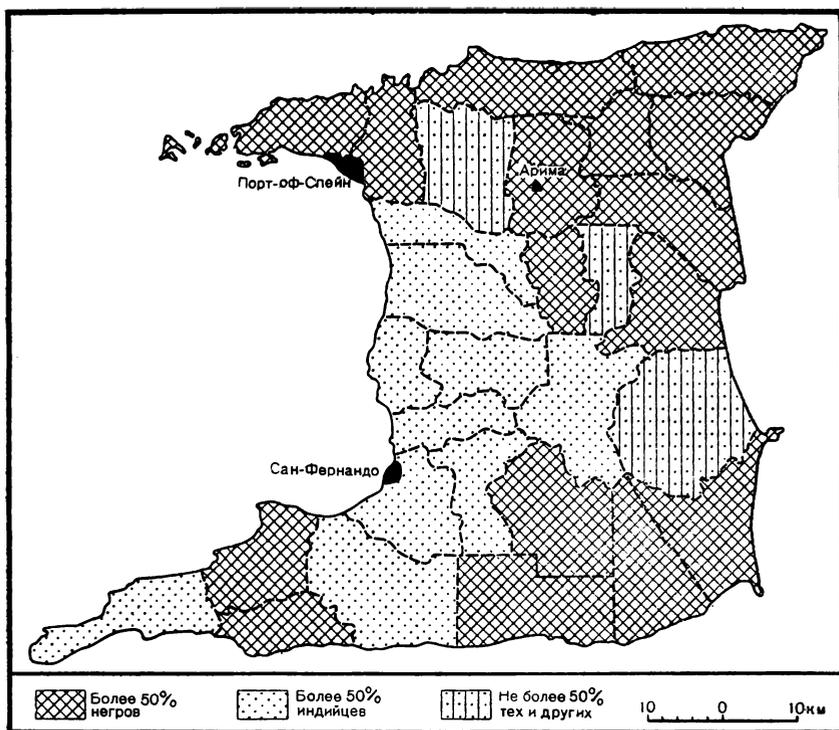
Изменения коснулись, например, обрядовой стороны религии. Прежде всего с момента прибытия индийцев на остров колониальные власти запретили сожжение трупов. Индуистам пришлось создавать кладбища и хоронить покойников в земле, хотя совершаемые при этом молитвы остались прежние.

Вместе с тем под влиянием религий, исповедуемых окружающим населением, существенные изменения появились и в обрядах индийцев. В этом сказалось влияние католической религии с ее пышной обрядностью, несомненно, импонирующей индийцам. Выходцы из Индии (часть белых и мулатов Тринидада — французского происхождения, потомки беженцев с Гаити периода революционных событий конца XVIII — начала XIX в.) переняли, например, французский католический обычай зажигать свечи на могилах предков в день всех святых. Распространилось среди индуистов и обыкновение совершать ежегодные паломничества в Сипарию, к статуе богоматери «Ла дивина пастора», считающейся среди католиков чудотворной. Индийцы сравнительно часто посещают католические богослужения. В страстную пятницу, например, среди участников торжественного богослужения в Бенедиктинском монастыре бывает столько индийцев, что многим католикам не удается даже войти в церковь¹⁸. Однако большинство индуистских праздников и обрядов сохраняется и по сей день. Повсеместно отмечают праздники «Дивали» и «Пхагва» (более известен под названием «Холи»), совершаются праздничные моления («пуджа»). На острове функционирует большое количество индуистских храмов.

Но не только религии окружающего населения повлияли на индуизм тринидадских индийцев. Имело место и обратное влияние. Известно, что негры, живущие в районах с преобладанием индийского

¹⁷ H. Glasenapp, *Die Inder in Guayana und Westindien*, S. 298; A. Niehoff, *A Survival of Hindu institutions...*, p. 176.

¹⁸ D. F. Crowley, *Plural and differential acculturation in Trinidad*, pp. 821—822.

РАЗМЕЩЕНИЕ ОСНОВНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП НА о. ТРИНИДАД

населения, иногда заимствуют у индусов свадебный церемониал, а подчас даже нанимают индийских пандитов (так называют на Тринидаде лиц, знающих священные санскритские тексты) для совершения «пуджа». В так называемой «Рамлила», десятидневной мистерии на сюжет «Рамаяны», теперь уже участвуют не только индийцы, но и негры и мулаты. Правда, они могут играть лишь отрицательных персонажей, врагов Рамы (кожа этих героев «Рамаяны» почернела от огня, который Хануман обрушил на о. Ланка, т. е. Цейлон, служивший убежищем врагам его господина). Вместе с тем вот уже лет 15 индийцы всех исповеданий принимают активное участие в традиционных карнавалах, возникших в конце XIX в. как праздники негров и мулатов¹⁹.

Любопытно, что это взаимное влияние коснулось и такой области, как остатки африканских верований у негров и пережитки старых магических обрядов у индийцев. Так, негры часто обращаются за помощью к индийским знахарям, а индийцы — к негритянским. Считается, что в «особо серьезных» случаях индийцу лучше всего поможет негритянский обиамен (колдун), а негру — индийский пандит²⁰.

Следует отметить также, что вся эта обстановка послужила благоприятной средой для распространения среди индусов всякого рода сект, реформирующих и упрощающих индуизм. На острове есть, в частности, группы приверженцев Кабира, основавшего в XV в. секту, которая сочетала индуистскую религию и ислам в своеобразной форме мистического монотеизма. Религиозное общество «Арья самадж», воз-

¹⁹ Ibid., p. 822—823.

²⁰ М. а. F. Herskovits, *Trinidad village*, New York, 1947, pp. 224, 242.

нижшее в Индии в 1875 г. с целью восстановления древней религии ариев (на основе Вед), также пользуется популярностью на Тринидаде.

В отличие от индуизма мусульманская религия была известна на острове задолго до прибытия сюда первого рабочего, законтракованного в Индии. Об этом говорит и тринидадское название мусульман — «мадингас». В числе завезенных из Африки рабов действительно была группа негров мандинго, исповедовавшая ислам. Потомки мандинго давно обращены в христианство, но название сохранилось, только оно обозначает теперь не негров, а индийцев-мусульман²¹.

По сравнению с индуистами мусульман на Тринидаде немного — не более 15% всех индийцев. Большинство из них суннитского толка (ханифиты). В 1933 г. Глазенапп отмечал незначительные группы шиитов и ахмадитов, но Краули в своей работе, написанной 24 года спустя, упоминает уже только о суннитах.

Довольно большое количество мечетей, выстроенных на Тринидаде, придает архитектуре острова своеобразный облик. Мечети продолжают стрсить и поныне (самая большая сооружена в Порт-оф-Спейне в 1927 г.)²². Ислам на Тринидаде в общем сохранил основные свои характерные черты. Обрядовая сторона религии не подверглась изменению; как и в других мусульманских странах, верующие тринидадские мусульмане стремятся совершить хадж (шаломничество в Мекку), но такое далекое путешествие доступно только немногим богатым людям. Правда, мусульманки на Тринидаде не закрывают лица. Однако этот обычай не обязателен и для многих стран, где ислам исповедует большинство населения.

Характерной особенностью для Тринидада является то, что здесь широко отмечается «Мохаррам», хотя праздник этот, как известно, шиитский, а тринидадские мусульмане все или почти все, как уже говорилось, — сунниты. Местное название праздника — *Hossé festival*. Любопытно, что почти под таким же названием (*Hussay festival*) он отмечается и на Ямайке, где индийцы составляют немногим более 2% населения, а мусульман среди них нет вообще.

Вопрос о путях проникновения этого праздника в Вест-Индию и о причинах его широкого распространения нуждается в специальном исследовании. Трудно, конечно, располагая чрезвычайно скудными данными, сравнивать тринидадский «Мохаррам» с настоящим, азиатским. Можно, однако, отметить, что на Тринидаде нет самоистязания, характерного для праздника в условиях Ирана или дореволюционного Азербайджана. Вместе с тем на острове наблюдаются такие моменты, которые отсутствуют на шиитском празднике в Азии. Важнейшую часть тринидадского праздника, например, составляет процессия с так называемым таджем — изображением здания довольно больших размеров из бамбука и бумаги. На Ямайке же в последний день праздника по улицам проносят изображение гроба из тех же материалов, который, собственно, и называется «Hussay». Название это возникло от того, что участники процессий обычно кричали: «Хасан!», «Хосейн!» Пронос «таджа» по улицам сопровождается плясками и барабанным боем, причем негры и мулаты уже принимают в процессии самое активное участие²³. Можно с уверенностью сказать, что тринидадский «Мохаррам» превратился в праздник типа негритянских карнавалов, и это превращение произошло хоть и недавно, но все-таки десятилетия

²¹ D. F. Crowley, *Plural and differential acculturation in Trinidad*, pp. 818—819.

²² H. Glasenapp, *Die Inder in Guayana und Westindien*, Ss. 300—301.

²³ W. Bryce, *Pocket reference book of Jamaica*, Kingston, 1950, p. 26.

назад. Характерно, что теперь негры и мулаты не только участвуют в празднике, но и помогают соорудить «тадж».

Антагонизм между индусами и мусульманами, культивировавшийся британскими колонизаторами в Индии, незнаком или почти незнаком индийцам Тринидада. Смешанные браки на острове — обычное явление.

* * *

Почти сразу же по прибытии индийцев на остров начались попытки обращения их в христианство. В определенной степени эти попытки увенчались успехом. Немалую роль здесь сыграло то обстоятельство, что большинство индийцев, вывезенных на Тринидад, принадлежало к низшим кастам, т. е. именно к той категории, среди которой и в Индии христианские и мусульманские миссионеры добивались наибольшего успеха. Ведь только переменив религию, люди низших каст могли в какой-то мере избавиться от бесправия, от подчиненного и угнетенного положения.

Кроме того, обращенные в христианство пользовались значительными льготами и преимуществами. Иногда им предоставлялась более легкая работа. Канадские пресвитериане, а также католики и англикане открыли на Тринидаде школы для индийцев, принявших христианство. В течение длительного времени индийцы могли получить образование фактически только в этих учебных заведениях. Выпускникам миссионерских школ оказывалась помощь в устройстве на работу. Вполне понятно, что эта помощь осуществлялась не из любви к ближнему своему.

Поэтому не случайно, что в настоящее время значительную и весьма влиятельную часть тринидадской интеллигенции составляют индийцы-христиане.

Результатом этой политики, проводившейся при поддержке колониальной администрации, было то, что свободные профессии и государственная служба стали занятиями, характерными прежде всего именно для группы индийцев-христиан.

Если под этим углом зрения взглянуть на всю индийскую социальную верхушку, то окажется, что в среде торговой буржуазии преобладают мусульмане, в то время как финансисты и промышленники в основном индуисты. Необходимо, однако, подчеркнуть, что подавляющее большинство среди индийцев, исповедующих как ту, так и другую религию, составляют трудящиеся — сельскохозяйственные рабочие, мелкие крестьяне. Среди христиан процент рабочих и крестьян, по приведенным выше причинам, меньше; но именно из этой группы происходит значительная часть трудовой интеллигенции (учителя, врачи и т. д.)²⁴.

Сравнивая положение на Тринидаде и в Британской Гвиане, один современный американский географ приводит высказывание своего информатора — гвианского индийца. «В Британской Гвиане, — заявил этот человек, — мы говорим: мы — португальцы, индийцы, креолы; на Тринидаде же каждый — тринидадец»²⁵. Это высказывание, пожалуй, несколько категорично. Но все-таки оно правильно рисует тенденцию развития национального вопроса на Тринидаде.

Хотелось бы остановиться в этой связи на рассмотрении процесса ассимиляции индийского населения Тринидада, проходящего весьма не-

²⁴ D. F. Crowley, *Plural and Differential acculturation in Trinidad*, p. 818.

²⁵ D. Lowenthal, *The West Indies Chooses a capital*, p. 362. — «Креолами» в Вест-Индии называют местных уроженцев, потомков выходцев из Африки.

одинаково, различными темпами в разных группах индийцев. Наиболее типичны в этом отношении христиане. Многие из них уже утратили свой язык, старые индийские обычаи. Даже фамилии у них теперь другие — либо переделанные на английский лад, либо совершенно новые, такие, как Джон, Джозеф, Уильям и т. д., т. е., собственно, имена крестных отцов, употребленные в новом значении. Однако и в этой группе еще имеются люди, отмечающие «Дивали» и «Холи», тайно совершающие благодарственные моления²⁶.

К сожалению, мы не располагаем достаточными материалами, характеризующими быт тринидадских индийцев. Но даже и то, что можно извлечь из крайне скудной литературы, затрагивающей эти вопросы, представляется небызынтересным прежде всего в плане рассмотрения проблемы ассимиляции. Так, дома индийцев-горожан сохранили некоторые национальные черты лишь во внутреннем устройстве. В архитектурном же отношении подавляющее большинство из них уже не отличается от построек, характерных для тех районов Тринидада, где нет индийского населения. Старый тип хижины сохранился лишь в индийских деревнях. Остов ее изготовляют из бамбука, на который затем накладывают широкие пальмовые листья. Стены обмазывают илом, скрепленным сухой травой и навозом. Этой же смесью покрывают пол²⁷.

Национальная одежда сохранилась главным образом в деревне, хотя ее носит и часть горожан, прежде всего женщины.

Пища тринидадских индийцев включает еще многие национальные блюда: роти, дхальпури (виды хлебцев), керри (кушанье из риса с острыми приправами) и т. д. Эти блюда распространяются и среди негритянского населения, особенно в районах с преобладанием индийцев. Они начинают фигурировать даже в старинных негритянских обрядах вроде приношений предкам (так называемый родительский стол). Но большинство тринидадских индийцев всех вероисповеданий давно уже употребляют в пищу мясо, хотя в этой области и существует еще ряд запретов и ограничений. Мусульмане, как и везде, не употребляют свинины. Индуисты избегают говядины, а свинину едят только представители низших каст; любопытно, что женщина более высокой касты, вышедшая, например, замуж за чамара, будет готовить мужу кушанья из свинины, но сама их есть не станет. Блюда, приготовляемые для участников религиозных празднеств, для свадебного угощения, не содержат мяса²⁸. Характерно, что эти пищевые запреты в определенной степени сохраняются и среди индийцев-христиан (особенно в первом поколении).

Следовательно, и в бытовом отношении мы наблюдаем постепенный отход в прошлое многих старых национальных особенностей. Исключение составляют лишь сравнительно незначительные группы индийцев, живущих замкнутыми общинами в сельской местности. Здесь сохраняются и многие обычаи, уже утраченные остальной частью индийского населения Тринидада, и индийские языки. Здесь же, пожалуй, можно встретить людей, не только плохо знающих местный диалект английского, но и вообще не владеющих им. Хозяйство в таких общинах носит в значительной степени натуральный характер. Большинство

²⁶ D. F. Crowley, *Plural and differential acculturation in Trinidad*, p. 821.

²⁷ S. Selvon, *The West Indian Patchwork*, — «Geographical magazine», London, 1955, p. 218.

²⁸ D. F. Crowley, *Plural and differential acculturation in Trinidad*, p. 822; H. Glanzenapp, *Die Inder in Guayana und Westindien*, Ss. 301—302; A. Niehoff, *A Survival of Hindu institutions...*, p. 176.

жителей неграмотно, очень многие из них, прожив всю жизнь в 15—20 км от Порт-оф-Спейна, ни разу в жизни не побывали в городе.

Приведенные факты, однако, раскрывают лишь одну, хотя и существенную сторону проблемы.

Индийцы Тринидада в своем большинстве уже осознают себя как вест-индцы, и столетний период их пребывания на острове оставил заметный след в его истории. Мы отмечаем ту роль, которую они сыграли в развитии местной сахарной промышленности. Очень много сделали они также и для того, чтобы разведение крупного рогатого скота на Тринидаде превратилось в одну из первостепенных отраслей сельского хозяйства. Они же ввели на всех островах Вест-Индии не существовавшую там культуру риса. Но появление индийцев в Карибском бассейне было осложнено весьма важными последствиями. И если мы до сих пор ничего об этом не говорили, то лишь только потому, что стремились прежде всего более или менее систематически изложить историю переселения и наиболее характерные этнографические особенности тринидадских индийцев. Речь идет о негритянско-индийском антагонизме — факторе, который и по сей день оказывает влияние на многие стороны жизни острова.

Антагонизм этот существует. Но приведенный выше материал свидетельствует о том, что он отнюдь не является чем-то якобы от природы присущим каждому негру и каждому индийцу (как хотелось бы некоторым буржуазным историкам и этнографам, а также тем, кто направляет их деятельность). Совместная жизнь бок о бок с трудящимися индийцами, взаимное культурное и бытовое влияние привели не к росту этого антагонизма в широких массах негритянского рабочего класса и крестьянства, а, наоборот, к его ослаблению. То же самое можно сказать и о трудящихся индийцах.

История негритянско-индийских взаимоотношений на Тринидаде позволяет сделать вывод, что и в этом конкретном случае, несмотря на утверждения расистов, мы не находим «биологической» ненависти африканца к выходцам из Азии, и наоборот. Особенности национального вопроса на Тринидаде можно объяснить лишь исходя из моментов социально-экономических. Всякий иной подход к делу только запутывает его, не проясняя вопроса по существу.

Индийцы были ввезены на Тринидад для того чтобы заменить негров, ушедших с плантаций. По отношению к бывшим рабам они, сами того не ведая и не желая, объективно сыграли роль штрейкбрехеров. Именно здесь и находятся истоки индийско-негритянского антагонизма.

Для разжигания и поддержания этого антагонизма колонизаторы принимали и продолжают принимать всяческие меры.

В результате на Тринидаде возникли отдельные индийские общества и организации, вплоть до профсоюзов и политических партий. Создание всех этих организаций поощрялось колонизаторами не только потому, что они были своего рода противовесом освободительному движению негритянской части жителей острова, но и по той причине, что движение трудящихся индийцев не могло объединиться с движением негров.

Проблема объединения всего тринидадского народа в борьбе против колониализма, таким образом, до сих пор еще не решена.

Другой существенный момент состоит в том, что указанные выше причины привели к сосредоточению подавляющего большинства индийских трудящихся в сельском хозяйстве (плантационные рабочие, мелкие крестьяне), а также в различных областях обслуживания (транс-

портные рабочие, персонал гостиниц, ресторанов и т. д.). В нефтяной же промышленности, благодаря которой остров занимает сейчас первое место в Вест-Индской федерации по промышленному развитию, работают преимущественно негры и мулаты. Есть они и среди сельскохозяйственного пролетариата, крестьян, но в этой социальной группе индийцев больше. А все это в свою очередь означает, что путь к созданию союза рабочего класса и крестьянства на Тринидаде осложнен еще и вопросом национальным. Совершенно ясно, что ни колониальные власти, ни негритянская, мулатская или индийская буржуазия отнюдь не заинтересованы в исчезновении столь сложного вопроса из политической жизни Тринидада.

Однако наше время, время распада колониальной системы, вносит в эту проблему новое содержание.

На Тринидаде растет освободительное движение народных масс, все яснее осознающих весь вред национального антагонизма.

Именно эти новые веяния в политической жизни Тринидада приобретают сейчас все большую силу и все более широкий размах.
